

Человек высокой нравственности и образованности

А.Ф. Орлов

Учёный-палеонтолог, член-корреспондент АН СССР Юрий Александрович Орлов никогда не забывал свою малую родину – Симбирский край. Здесь, в Поволжье, под влиянием отца, сформировалась его страстная увлечённость палеонтологией. Юрий Александрович оставил ценные для нас воспоминания о своей семье. Об отце он написал сдержанно, но с сыновьей любовью и теплотой. Александр Фёдорович был широко образованным человеком и учёным. Он – автор одной из первых книг о топонимике – науке о названиях географических объектов.

Мой отец родился в Симбирске (ныне Ульяновск) в семье священника 30 октября 1855 года. Вскоре после его рождения священник Фёдор Орлов переехал в село Берёзовка Сенгилеевского уезда, где прожил в дальнейшем всю жизнь, сам пахал и собирал хлеб. Семья была большая. После духовного училища при мужском монастыре в Сызрани отец учился в Симбирской духовной семинарии, шёл первым учеником, и ему прочили «блестящее будущее» в виде духовной академии.

Архирей из отца не получился. Чтение произведений Чернышевского, Добролюбова и других близких по духу революционных демократов повернуло отца в иную сторону. Он оставил семинарию и уехал в Петербург в университет, к великому горю родителей.

Сдав дополнительные экзамены на аттестат зрелости по математике и физике, отец поступил в 1874 году на естественный факультет физико-математического факультета (жил уроками – ходил с Васильевского острова на Пески). В университете задержался дольше обычных четырёх лет из-за участия в кружках ранних народовольцев, и его диплом помечен 1880-м годом. Профессорами в то время были Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, Н.А. Меншуткин, ботаник А.Н. Бекетов, зоологи К.Ф. Кесслер, Н.П. Вагнер и ряд других знаменитостей.

С осени 1875 года, будучи на втором курсе, отец вступил в народовольческий кружок. Вместе с А.К. Левашовым, Гуляевым (позднее ветеринаром), П.П. Викторовым (впоследствии

крупным врачом-психиатром) и другими работал «молотобойцем» в основанной ими для революционной пропаганды кузнице (на Малой Охте), где они подковывали лошадей извозчиков. «Кузнецы» спустя некоторое время покинули кузницу, когда повадился ковать лошадей местный пристав. Получив задание выпилить ключ (для освобождения Петра Кропоткина) по сделанному за подкуп слепку, отец приготовил ключ. Однако, как известно, он не понадобился: Кропоткин бежал во время прогулки у тюремной больницы. Кучером на рысаке Варвар был Левашов, с которым отец ещё раз встретился много лет спустя в Вологде.

По окончании университета в 1880 году отец хотел посвятить себя литературной работе и поместил в журнале «Дело», издававшемся в Петербурге, три рассказа (1880, 1881, 1882) под псевдонимом Плавский. Об одном из них был очень одобрительный отзыв Краевского в журнале «Голос». Журнал «Дело» объединял ряд прогрессивно настроенных людей. И в это время, и позднее отец был знаком с писателями Глебом Успенским, Шелгуновым, Станюкевичем, Южаковым, Н. Михайловским.

Однако крайнее безденежье вынудило Александра Фёдоровича поступить на службу чиновником в удельное ведомство, на то самое место, которое за пятьдесят лет до него занимал в течение года Гоголь. По этому поводу много лет спустя отец говорил в шутку, что «Гоголь оказался никуда не годным чиновником, но выдающимся писателем, я же – никуда не годным писателем, но прекрасным чиновником», так как

в последние годы до революции отец ведал всеми удельными лесами Вологодской и Архангельской губерний и лесопильными заводами в Архангельске, куда сплавливали этот лес для продажи за границу.

Там, во время ежегодных продолжительных походов по лесам бассейна Северной Двины с её притоками, среди весьма первобытной в то время обстановки у него возникла и окрепла мысль о том, что на севере и поселения, и население называются по рекам. В 1906 году А.Ф. Орлов начал писать об этом. В следующем году в г. Вельске, где жил отец, была временно открыта кустарная убогая типография, в ней в начале июня 1907 года была напечатана книга «Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов и местностей». Основная мысль книги: по рекам шло расселение, около них охота, рыбная ловля, часто они – пути сообщения. Названия давались по рекам. Последующие поселенцы часто получали готовые названия, смысл их забывался со временем, но уже по реке шли названия возникавших поселений, городов, племён и т.д. Это проверено было отцом на огромном картографическом материале для России, Западной Европы, Малой Азии и Индии.

В своё время работа в народовольческих кружках отвлекла отца от научной дороги, которой он был достоин по своей одарённости, и к науке он пришёл много, много позднее.

Моя мать, Вера Павловна Орлова, урождённая Тумаркина – одна из первых наших женщин-врачей, блестящий диагност внутренних болезней – происходила из купеческой семьи

в Бессарабии. Очень красивая, способная; окончив гимназию с золотой медалью, она пожелала учиться медицине. Это было начало не только медицинского, но вообще женского высшего образования в России. Родители – люди старого закала, желавшие выдать её замуж за кого-то «достойного» столь богатой и красивой невесты, – воспротивились. Тогда она уехала учиться вопреки их воле, а родители (как мне рассказывала со слов отца моя воспитательница) от неё «отреклись».

Сдав дополнительные экзамены на аттестат зрелости, она поступила на женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале на Суворовском проспекте (кажется, госпиталь там и по сию пору). Курсы были под покровительством Военной медико-хирургической академии. Директор курсов – Бородин, профессор академии, химик и композитор, автор оперы «Князь Игорь». По рассказам отца, мать жила очень бедно в свои студенческие годы. Это было время, когда медицине часто учились из побуждений помогать народу и идти в народ.

Одно время после окончания курсов мать была врачом Петербургской консерватории (во время второго директорства в ней А.Г. Рубинштейна). Отец и мать очень любили музыку. Дома сохранились фотографии с автографами, подаренные матери Антоном Рубинштейном, Глебом Успенским, Михайловским и другими.

В 1891 году во время голода на Волге она организовала, по рассказам отца, одиннадцать столовых для голодающего населения.

Мать умерла в марте 1899 года в возрасте 37 лет. Её смерть потрясла отца так, что пошатнулось его здоровье. Он с большим трудом ради моего брата четырёх лет и меня (около шести), взяв себя в руки, занялся физической работой, гимнастикой и встал на ноги.

Со мной и моим братом отец переехал в 1899 году в Вельск, маленький уездный городок в лесной глуши, в полуторастах километрах от железной дороги. Город Вельск был центром лесов удельного ведомства на севере, и там находилось управление округа. Леса и уголья этого округа были разбиты на 25 (примерно) «имений», во главе которых стояли управляющие с высшим лесным или вообще естественнонаучным образованием. Некоторые, например П.Н. Серебрянников, имели печатные научные работы по лесоустройству, прикладной энтомологии (вредители лесов) и т. п.

Отец создал там большую библиотеку (более 2000 томов) по истории, географии, естествознанию (ещё при его жизни она вошла частично в городскую, местную).

Отец был противником старой средней школы, учил нас дома и сам, и при помощи ссыльных студентов (меня – таким образом вплоть до аттестата зрелости).

В девятисотых годах Вельск служил местом политической ссылки, и на две с половиной тысячи жителей там бывало до шестисот-семисот человек ссыльных. Это были очень интересные люди, члены разных партий: русские, поляки, евреи, немцы, кавказцы, студенты, курсистки, сормовские рабочие. На обучение математике, физике или музыке у ссыльных требовалось специальное разрешение администрации.

Отец был широко образованным человеком. В Вельске он очень много преподавал (разумеется, бесплатно) латинский и немецкий языки. Очень музыкальный и образованный в области классической музыки, отец уже во взрослом возрасте выучился игре на скрипке и потратил немало усилий на моё и брата музыкальное образование, считая музыку одной из граней духовной жизни. Я ему иногда аккомпанировал. Сам и при помощи других он дал нам недурное знание латинского, французского и немецкого языков (мне и начала греческого) и дал мне, таким образом, базу для быстрого освоения английского, умение «филологически мыслить».

Однако отец жил довольно обособленно. За всю жизнь он не выпил ни одной капли водки или коньяка: в доме не водилось ни вина, ни папирос, ни игральные карты.

Весной 1910 г. и на зиму 1910/11 отец отправил меня всё же в Петербург, готовиться на аттестат зрелости. Экзамен держал весь май 1911 г. при 6-й Гимназии министерства народного просвещения на Чернышевской площади. Держало ещё 75 гимназистов и 41 человек нас, экстернов. Гимназисты сдали всё, а из 41 экстерна сдали четверо: граф Бобринский, сдававший каждый год за один класс, на этот раз только за восьмой; пианист И.П. Виноградов – внук духовного композитора Виноградова, позднее некоторое время мой учитель музыки – из группы талантливых учеников профессора Есиповой, куда входили С.С. Прокофьев, Александр Боровский и др.; князь Урусов, красавец-кавалергард в красной

куртке с позументами, с саблей, которую он торжественно придерживал, когда шёл к столу экзаменатора, помнится, очень слабо подготовленный, но желавший получить аттестат зрелости, почему-то нужный ему для служебной карьеры; наконец, я, глубокий провинциал, схвативший на экзамене по Закону Божию тройку по причине неполноты знаний обряда крещения.

Осенью 1911 г. я поступил в университет на физико-математический факультет и поселился на Васильевском острове.

После Октябрьской революции Александр Фёдорович оставался ещё некоторое время, по желанию Вельского земельного комитета, на работе в должности начальника Вельского управления земледелия и государственных имуществ.

Безупречная нравственность А.Ф. и справедливость были причиной того, что его оставили на посту лесного начальства.

Но из-за начавшегося безжалостного истребления лесов, на которое у него не хватило сил смотреть, после многолетней работы он предпочёл педагогическую деятельность.

А.Ф. стал преподавателем физики в Сельскохозяйственном техникуме, устроил там превосходный физический кабинет и вышел на пенсию в 1939 году на восемьдесят втором году жизни, оставив о себе прекрасную память у многочисленных учеников.

Из воспоминаний Юрия Орлова
Материал подготовил
Сергей Петров